

OKTAVA

Литературный
альманах

№3

07.2020

Лунные фантазии

Тираж осуществлен при поддержке Рогнеды Малаховского

ОКТА́А

Литературный альманах

Издательство ГУДО "Центр творчества
детей и молодежи"

Борисов

2019

Все права защищены

Пазла

ТАТЬЯНА ДАШКЕВИЧ

Дашкевич Татьяна Николаевна. Поэт, бард. Родилась в Минске. Училась в Литературном институте в Москве и на поэтическом семинаре Льва Ошанина. Автор стихов и многих просветительских и культурологических статей и очерков, публиковавшихся в московских и минских газетах и журналах, один из авторов «Антологии русского слова». Лауреат литературных премий, телеконкурса «Золотой граммофон» (2000), дипломант кинофестиваля «Бородинская осень». За духовную деятельность награждена грамотой Патриаршего Экзарха всея Беларуси. Член Союза писателей России (1993) и Союза писателей Беларуси (2006).

СОБАКА

Я уйду в ночь.
Ты слышишь? В ночь уйду.
В ней есть дуновение ветра
И злые собаки —
Такие, как ты говорил,
Ну, в общем, такие, как я.
Без добра.
Но знаешь, они привыкают
К моим осторожным шагам
И больше не лают,
А я научилась у них
Немножечко вить по-собачьи.
И вот мы садимся на землю:
Они за забором, я — возле
И горестно воем
на звезды,
И в наших глазах
Живет
отражение света,
В моих же глазах
в этот миг
Живет и твое
отражение,
И счастлива я
быть собакой,
Ты — образ
хозяина-гостя,
Ты — тот,
для кого я — собака,
Я буду тебя
охранять.

Любимый, родной, ненаглядный,
Я буду тебя охранять.

СЕСТРА

Светила луна,
Ходила кошка чужая,
Труба коптила дымом чужим,
Нищенка шла от края до края,
Лёгкая, словно дым.
Она богаче меня душою,
Не говорите мне ничего...
И я не скажу, ничего не открою,
Ничего не скажу чужим.
О чужая, ты ль мне чужая,
Посторонняя мне сестра?
Я иду за тобою от края до края,
А идти мне по краю пора.
Стужа выстудит лживую душу,
Очищая ее канву.
Я твой мир, сестра, не разрушу.
Можно, я в нём хоть век поживу?
Только страшно, что в этом мире.
Ты одинока: лишь небо и ты,
Запоздалые гости в чужой квартире,
И упавшие сверху живые цветы.

... О куда мне уйти от кокетства?
И публичная кротость – тщета.
Где ты, где-то пропавшее детство?
Духа гордого нищета?

МОНАСТЫРЬ В МОЛДАВИИ

Ю.В.Гафурову

Дремлет мир над монашьям холмом.
Первый луч с колокольной играет.
Мы сюда не вернемся потом
И не встретим похожего края.

Днем монахиня ровно несла
Молоко в золотистом кувшине...
Два по-летнему белых стола...
Рукомойник пустой в паутине...

Два шумели святых родника
Голосами Пречистой и Сына...
По жаре — словно пар, облака...
Только ночью — иная картина.

Все исчезло. Ужасная ночь!
На луну, на богиню златую,
Будто кто-то набросил сорочь,
Из лучей оловянных литую.

Все собаки заладили вой,
Закричали в сарае павлины,
Зазвенел язычком, как живой,
Рукомойник в сетях паутины.

Гром небесный... Обвалы воды...
Гуд животный... Ковчежец кренится —
То восстанет бледнее беды,
То опять в темноте притаится...

А на теплой заре — благодать.
На холме, среди вызревших вишен —
Монастырское кладбище. Выше
Розовеет небесная гладь.

Увивает могилы лоза,
Чистый купол сияет отрадой.
Опустив на тропинку глаза,
Погоняет послушница стадо.

О, обойди, не прикоснись, Тоска,
Тишайшая моя сестрица в черном,
Не поднеси мне утром горсть песка
К подушке белой на руке точеной...

Где твои ночи звездами полны,
И волосы сплетаются с дорогой —
Останься там, богиней луны,
Останься там, возвышенной и строгой.

О, как хочу я не узнать тебя,
Прозрачную, истраченную болью,
Не принимать дары твои, скорбя,
Не понимать: ты не была любовью.

Осенние цветы

Лепестки устилают дорогу,
Обнаженные стебли стоят.
Все цветы восхищаются к Богу,
Там красой неземною горят.

Заблестела стернею новина.
Урожаем полны закрома.
Вновь земля и пуста, и невинна,
И ночами приходит зима.

Кто ее поджидает, шальную,
Кто способен себя погубить,
Кто улыбку ее ледяную
Полюбил и не может забыть?

Не случайно такими ночами
Крепок сон и густа тишина,
И весенняя песня печали
В задремавшей крови не слышна.

Но и мне отчего-то не спится.
Забываясь, гляжу я в окно,
Как серебряный иней ложится
На усталой земли полотно.

Вот уж пять. Нет ни солнца, ни тени.
Не уходит глубокая ночь.
В ожидании первой метели
Тонко светится месяца нож.

И возносятся тихие грезы
В непродуманный сад красоты,
Где воскресли в сиянье мороза
Облетевшие наши цветы.

ПОЛНОЧЬ

Тихого озера черная темень.
Дно отражением лунным зовет.
Вижу глубокий русалочий терем,
Слышу – вода, озаряясь, поет...

Голос ее – это холод и омут,
Жар, отрешенье, огонь на снегу...
Лунною силою в терем влекома,
В полночь стояла я на берегу;

Страшными птицами ели чернели,
Встав чередой в немой синеве...
Черное озеро...
Черные ели...
Черные мысли поют в голове...

Но – отрастали тяжелые крылья
И – поднималась, летела, жила! —
Каждою веточкой,
Каждою былью,
Каждою крохой земного стола.

РАГНЕД МАЛАХОЎСКИ

Малахоўскі Рагнэд Юр'евіч нарадзіўся ў 1984 годзе ў п. Сяймчан Магаданскай вобласці (Расія). Закончыў Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт і Акадэмію кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь. З'яўляецца пазаштатным рэдактарам кніжнай серыі "Маладая паэзія Беларусі" ў выдавецтве "Харвест". Вершы рэгулярна друкуюцца ў аичыннай перыёдыцы, калектыўных зборніках і анталогіях. Аўтар кніг "Беражніца" (2005), "У дзённай мітусні" (2012), "Жыві!" (2014), "Кахання радок" (2016), "Выгнаннік дзьмухаўцовага раю" (2016), "Клічнікі дажджу" (2016).

ЛІЧБАВАЕ РЭХА МЕГАПОЛІСУ

Піксель

думак густы кісель
берагі з часам размываюцца
хто доўга затрымаецца
таго змые плынь

рэчышча шукае рака
гэта не янь і не інь
чорны піксель
знакамітага мастака

марыў стаць выключэннем
а стаў правілам

Хэштэг

стаіш на каленях
вінаваціш душу
разважаеш пра грэх

-13-

у начных сутарэннях
пасля запрашае мяне
нечаканы хэштэг

толькі ўмовы дзве
не запальваць святло
прамаўляць толькі па тэме

дзіця ў калысцы раве
каханне аджыло
і ўсё па класічнай схеме

Інфармацыйны шум

бессаромна пранізвае целы
нахабна ўпіваецца ў душы
ён стаў для нас звыклы
нават традыцыйны
сярод ночы выціраю
лоб успацелы
затыкаю ватай
стомленыя вушы
шум інфармацыйны
вострыць лічбавыя іклы

ніхто не ведае
чаго ж ён хоча
а ва ўмовах такіх
паэты страляюцца
манатонна курсор мільгоча
і новыя літары
бясконца з'яўляюцца

Дэфект

кожны хто бачыў гэта
быў з прыхаваным дэфектам
памада з вільготным эфектам
на вуснах дажджу
расфарбавала недарэчна аўтастраду
я на яе гляджу
з нябёсаў колеру шакаладу

употай
уратаваўся адзінотай
а ўнізе аўтастрада разразае краіну
напалавіну

спынілася машын калона
дзікі крык
пасярод газона
паламаныя спіцы майго парасона
сістэмны збой

для размоў не знаходзяцца тэмы
пад нагамі ўспаміны валяюцца
гэта файлы сістэмы
абнаўляюцца

калі слова бясконца славіш
то дарога становіцца гладкаю

хачу ноўт з падсветкаю клавiш
развучыўся пісаць асадкаю

Чорная скрыня

слепіць вочы блакіт
у вушах новы хіт
на радары чыста
паветра празрыстае
ды месца гэта магніт
для тэрарыста

-16-

ні на полі цудаў
ні на што дзе калі
ні на мінным полі
ці проста ў полі
нават у алкаголі
не знайсці такога хэдлайнера
я чорная скрыня
на борце авіялайнера

Няма праблем

на пары
ты сядзіш на парце
і вышэй за цябе
толькі лектар-паркінсонік
спрабуе тлумачыць
праблемы ўзаемаадносін
жанчын і мужчын

жанчыны кахаюць вушамі
мужчыны баяцца прыгажосці

а я без праблем
назіраю цябе
з паралельнага свету
еду ў падводным трамваі
лавіць невядомую рыбу
якая таксама
не мае ніякіх праблем
акрамя мяне

Трыццацідвухгадовы

абяцаў табе паказаць Парыж
чаравікі начысціў крэмам з воскам
але ты па-ранейшаму спіш
з тым багаценькім неданосакам

патанае ў гламуры
ні адняць ні дадаць
але дзеля цябе ні на што не гатовы
ну а я аніяк не магу прадаць
мэрсэдэс трыццацідвухгадовы

таму ты па-ранейшаму спіш
бо хацела жыцця бесклапотнага з лоскам
трыццаць два
а ўжо стаўлю крыж
чаравікі начышчаны крэмам з воскам

Памяць

дзень памяці продкаў
дзе б адшукаць кнопку
што вяртае да нас старых
крыжык
акенца
штрых

Дабранач

няхай не засынае Бог
над гэтай акрываўленай зямлей
няхай не знікне свет
у гуках калыханкі

няхай на ланцугу
ды хочацца так жыць
залізваць раны
выпіваць на свята

даццэ спявае мама калыханку
а Ён глядзіць на іх
стомленымі соннымі вачыма
і запаўняе розум
думкамі аб вечным
абы толькі не заснуць

спытаць бы ў Яго
чаго чакаеш ад нас
неразумных
можна толькі здагадацца
і верыць
Бог не хоча
нашага знікнення

Рэзервацыя

загнанаму ў рэзервацыю
не грэшна разок і афігець
ад глыбіні самацэнзуры
ад колькасці нявыказаных
з-за боязі слоў
як злодзею мне вісець
на шыбеніцы ветракоў

натыкнуўся на рэкламную акцыю
толькі ўчора
збяры забытае і закатаванае
зашоранае і ў душы закансерваванае
і атрымай свабоду
пакінь рэзервацыю

МАТВЕЙ ШИШКО

Родился 18 ноября 2003 года
Окончил 10 классов Лицея БГУ
филологического факультета. С детства
играет на фортепиано, любит литературу
и музыку многих жанров. Увлекается
головоломками, любит живую природу
и животных.

Вот удивительно! Недавно
Полнеба было в облаках, и
Солнце знойное палило. Сейчас
Весь чист лазурный свод, и лишь луна
Чуть выше полосы на горизонте. Закат...

Нотный акростих

Дом мой и даль видны из окна,
Редкие дома...
Минувший день,
Фары машин,
Соль, высыпающаяся из стакана...
Лягу я сегодня пораньше,
Сидеть нет сил.

18 мая
18-го года.
21.30 быстрее все темнеет.
От парковки и сход к каналу,
Вид на Национальную Библиотеку...
Левее закат, такой печальный,
Воздух чист после грозы.
Да-а, где я был сегодня...
Где-то вдалеке радость, веселье,
Заботы, шум, суета, лица...

Я видел закат луны.
Он серым был и таял...
Что делать мне теперь?!

ДЕНИС ФЕЩЕНКО

Поэт, актер, бард. Живет в Молодечно, работает в Минском областном драматическом театре. Папа троих замечательных детей.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спите, сыночки...

Спи, моя дочь....

Сон, как корабль золотой,
На волнах Ночки...

А штормы – прочь...

Путь озарён мечтой!

Что-то стали злые ночи,
Словно люди!!!

Пьяный месяц рожи корчит,
Словоблудит...

Лишь светлые,

Чистые,

Святые вы,

Охраняемы силой Любви!

Пусть в ваших словах жи-ши будет с И
Иже

еси

на небеси....

Там....
 высоко....
 над землёй,
где тишина и покой.

Там, где Млечный Путь,
 смахнув с плеча,
На счастье вам,
 морзнёт
 мерцающей звездой.

Спи,
мальчик мой!
Этой ночью я колыхаю,
Дочка, тебя..
Пусть будет счастье всегда с тобой!
Спи, спи сладко,
Сын старший мой...

Спят сыночки...
 Спит моя дочь....
 Сон, как корабль золотой,
На волнах Ночки..
 А штормы – прочь..
 Путь озарён мечтой!

Нам вместе
не страшны
ни злые люди, ни темень ночи –
Она не больше, чем надо, продлится...
Чистые мысли,
Добрые лица,
Светлые,
Святые вы,
Охраняемы силой Любви...
Пусть в ваших словах жи-щи будет с И..
Иже
еси
на небеси!!!

Прага

СВЕТЛАНА БЫКОВА

Родилась и проживает в городе Заславле Минской области. Поэт, прозаик. Имеет высшее экономическое образование, работала в учреждениях родного города по экономическим специальностям. В настоящее время является председателем Минского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси». Является куратором детского литературного клуба «Изяславцы» при ГУО «Заславская гимназия» и составителем трех коллективных сборников детского литературного творчества: «Струмені заслаўскай крынічкі», «Нашчадкі Рагнеды» и «Зорны россып». Публикуется в различных периодических изданиях, является лауреатом республиканских литературных конкурсов и премий.

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

Жил-был на свете один очень жадный и завистливый человек. Он никогда ни с кем и ничем не делился, всегда думал только о себе и своей выгоде. Он был настолько жадным, что даже не возвращал подаренную ему другим человеком улыбку. Помимо материальных вещей и денег, этот скряга собирал и другие ценности: душевное тепло, сострадание, заботу, радость и любовь.

Если кто-то делился с ним этими добрыми человеческими чувствами, жадный человек никогда не отвечал ему тем же. Он просто брал их и складывал в отдельный мешок, который стоял у него в чулане рядом с мешками, набитыми разными вещами и деньгами.

Но вот однажды герой нашей истории смертельно заболел (не от жадности ли?). Врач, назначая ему лечение, сказал, что самым лучшим лекарством для него будут душевное тепло, любовь и улыбки других людей. "О, этого добра у меня хватает! Не зря я собирал всё это и ни с кем не делился! Теперь этого лекарства мне хватит надолго, и я обязательно поправлюсь!" – обрадовался жадный человек и, расчувствовавшись, случайно вернул улыбку женщине с ребёнком, которая, проходя мимо, улыбалась своему малышу.

Придя домой, жадный человек сразу же пошёл в чулан и достал из тёмного угла спрятанный там мешок с нужным ему лекарством. Но, развязав его, он не поверил своим глазам: мешок был пуст. В ужасе он вывернул мешок наизнанку, но из него выполз перепуганный паук...

Жадный человек удручённо опустил на один из многочисленных сундуков с накопленным скарбом. До этого он даже не предполагал, что добрые человеческие чувства долго не хранятся: они просто исчезают. Ведь они могут жить только в сердцах людей и передаются тоже – от сердца к сердцу.....

ВСТРЕЧА

1

Ангел стоял на углу кафе и курил. Это был не просто перекур – он ждал. Сегодня он только и делал, что ждал, подгонял, задерживал или ускорял ход событий. Сегодняшний день – особенный, судьбоносный. Не для него, а для того молодого человека в коричневой куртке, который в это мгновение появился из-за поворота. Молодого человека звали Александром. Для Саши этот день был самым обычным, если не считать парочки досадных случайностей, произошедших утром: не завелась его машина. Опаздывая на работу, он в спешке захлопнул входную дверь, оставив ключи на полке в прихожей. Теперь, чтобы попасть домой, ему нужно было дожидаться мать, которая приходила с работы на пару часов позже его.

Сейчас Саша подходил к кафе, чтобы скоротать время, а заодно и подкрепиться.

...Марина сегодня не торопилась домой: в конце рабочего дня, повернув ручку радиоприёмника, она услышала давно забытую мелодию. Был вечер пятницы и, очарованная воспоминаниями, Марина вдруг решила не идти сразу домой, в тесный мирок своей однокомнатной квартиры, а прогуляться по вечернему городу, поужинать в кафе.

...Ангел стоял и рассуждал: «Так, она зашла в кафе минут пять – семь назад, уже успела раздеться и сесть за столик к одинокой пожилой даме, которая заканчивала свой ужин. Ещё рановато», – решил Ангел и решительно двинулся навстречу приближавшемуся к кафе Александру. «Извините, – обратился он к нему, – Вы не могли бы объяснить мне, как пройти на улицу Лермонтова?»

Молодой человек остановился и стал подробно объяснять незнакомцу маршрут. Ангел, делая вид, что внимательно слушает, краем глаза наблюдал за Мариной в окне напротив. К её столику направился официант, дама рассчиталась и встала из-за столика.

Ангел поблагодарил за помощь и пошёл по направлению, указанному Сашей. Тот, пройдя ещё шагов десять, зашёл в кафе, разделся и прошёл в зал.

Был вечер пятницы, и свободных столиков в зале не было. Взгляд его остановился на столике, за которым в одиночестве сидела молодая миловидная женщина. Саша направился к ней.

Остановившись у дома напротив, Ангел внимательно наблюдал за происходящим в зале кафе. Дело шло к завершению. Сегодняшнее его вмешательство в течение событий дня (неисправность машины, забытые ключи, старая мелодия) не пропали даром.

4.

...Саша подошёл к столику и попросил разрешения присесть. Марина подняла голову, их взгляды встретились...

В этот момент Ангел, стоявший через дорогу и наблюдавший за ними, увидел яркий свет - искру, пробежавшую во взглядах между двумя молодыми людьми.

«Всё, свершилось!» - прошептал он, отведя глаза от своих подопечных и переведя взгляд на звёздное вечернее небо...

Никто из прохожих, озабоченных своими мыслями и делами, не заметил, куда вдруг исчез неприметный мужчина, довольно долго стоявший напротив кафе. Равно как никто не знал, откуда он здесь появился...

МІКОЛА АДАМ

Паэт, празаік, перакладчык. Нарадзіўся ў 1978 годзе ў вёсцы Мікалаеўшчына на Стаўбцоўшчыне. Вырас у Казахстане. Скончыў факультэт кінадраматургіі БДУК. Друкаваўся ў рэспубліканскіх часопісах і газетах, член Саюза пісьменнікаў Беларусі.

Анёл

Калі я скончыў першы клас, тым жа летам мы пераехалі. З сямейнага інтэрната, што ўзвышаўся над астатнімі вакол дамамі кукурузінай і суседнічаў з ваенкаматам, дзе мама падпрацоўвала, каб не сядзець без справы ў дэкрэце, мыла падлогу, у асобную двухпакаёвую кватэру, якая знаходзілася ў шматпад'ездным пяціпавярховіку па вуліцы Сорака год Перамогі. Наш дом разам з яшчэ трыма такімі ж утваралі своеасаблівы чатырохкутнік, якім нібыта ахоўвалі-аберагалі ад усіх вятроў і нягод вялізарны ўнутраны двор, дзе суіснавалі ўладзе ды спагадзе дзіцячыя пляцоўкі з зімнімі ды летнімі горкамі, альтанкамі, арэлямі, пясочніцамі, турнікамі і адмыслова змайстраваныя прыстасаванні для сушкі бялізны, на якіх, калі тыя былі вольныя, нярэдка выбівалі ад пылу дываны, палавікі і паласы.

Гэта было найлепшае месца з тых, дзе мы жылі. Тут жыццё бурліла нічым неўтаймаванай лавай, не спынялася ні на секунду і кішэля дзецьмі, быццам мурашамі ў мурашніку... Менавіта ў гэтым двары ўпершыню я пабачыў свайго анёла.

Мы часта дурэлі на арэлях, якія спрэс былі жалезнымі, скакалі з іх: хто далей і лаўчэй, той малайчына, а хто ўвогуле не скопыць, той... карацей, няздара і павагі да яго нуль цэлых нуль дзясятых. І нібыта я ўжо наблатыканы быў і скакаў з тых арэляў не далей за ўсіх, але і не горш за астатніх. Ды раптам не скопыў з іх, разгайданых і супернебяспечных для мяне ж, а саслізнуў і апынуўся проста пад арэлямі, якія праз лічаныя секунды павінны былі знесці мне паўгалавы.

Усе, што здарылася пасля, успамінаецца як запаволеныя кінакадры.

Арэлі стаялі непадалёк ад пад'ездаў, мабыць, адмыслова і на ўсялякі выпадак, бо на каляпад'ездных лаўках заўсёды нехта сядзеў. Проста насупраць маіх арэляў лузгалі семкі маладыя мамачкі, выгульваючы немаўлятак у калысках на колах, вакол іх абмяркоўвалі зборную СССР па футболе іх мужы ці браты, ці сябры. Раптам яны ўсе быццам анямелі і шырока выпупленымі вачыма утаропіліся на мяне ў прадчуванні немінучай трагедыі.

Адзін з маладых татуль, у жоўтай майцы з тлустымі плямамі на жываце ад фарбы і у сінім трыко, які да гэтага больш за ўсіх гарлапаніў нешта пра Рыната Дасаева і смактаў папяросіну, выкінуў папяросу за плячо і памкнуўся ў мой бок. Ён пераадолеў адлегласць, што нас падзяляла, за некалькі вялікіх скачкоў, схпіў мяне за руку і выдраў з пад арэляў у апошні міг, як моркаўку. Арэлі шумна і незадаволена працягвалі разгойдвацца.

Мужчына абмацаў мяне дзеля выяўлення магчымых пашкоджанняў, страсянуў, каб я ачомаўся ад здранцвення, бо выглядаў я, мабыць, анямелым і не рэагаваў на знешнія раздражняльнікі, гледзячы ў адну кропку. Я і праўда пазіраў... на маленькую залатавалосую дзяўчынку з крыламі, што завісла ў паветры, ветла мне ўсміхалася і махала маленькай ручкай, развітваючыся. Яна ж мне і прашаптала проста на вуха, там, пад арэлямі, каб я нічога не баяўся. І я ёй паверыў.

Сумняюся, што нехта яшчэ, акрамя мяне, яе бачыў. Дзяўчынка чамусьці асацыявалася з Дзінь-Дзінь з казкі пра Пітара Пэна. Каб пра мяне не падумалі нічога такога, я нікому не сказаў пра яе.

Праз два гады, калі мы ў чарговы раз пераехалі, на гэты раз у трохпакаёвую кватэру на Паркавай, таксама летам, я пабачыў Дзінь-Дзінь зноў.

Гэта здарылася побач з трансфарматарнай будкай, якая месцілася каля школы, уяўляючы сабой своеасабліваю браму між высокім жалезным школьным плотам. Проста насупраць яе, з тарца, стаяў наш дом. Паміж імі праходзіў тратуар, адразу за якім пачынаўся школьны двор, абгароджаны плотам. Пад трансфарматарнай будкай, але крыху ўбаку, ляніва грувасціўся, прыхінуўшыся да плоту, нібыта адпачываў, рознага кшталту металалом. І тут жа, зрэшты, бліжэй да дома, у якім мы жылі, тырчэла чорная, без аніводнай травінкі, пляцовачка для смецця з некалькімі драўлянымі бакамі. Увечары побач з ёю збіраліся кабеты з нашага дома і з суседніх, трымаючы ў руках па вядру смецця, чакалі смеццевоз, бо бакі заўсёды былі перапоўненыя. Смечцевоз ніколі не прыязджаў па раскладзе, здавалася, ён адмыслова спазняўся, каб кабеты ўволю нагаварыліся паміж сабой. Магчыма, яны дзеля гэтага і пакідалі свае кватэры.

А з трансфарматарнай будкі, на вачах у кабет, з амаль трохметровай вышыні, скакала ўніз дзятва. Зразумела, што не на голую зямлю. Пад будку было нанесена шмат сена, травы і два падраныя матрацы. Вось на іх і сігалі. Трэба сказаць, што адчуванне палёту каштавала ўсіх магчымых непрыемных наступстваў.

Трапіць на пляскаты, змазаны, быццам торт, тоўстым слоем смалы дах трансфарматарнай будкі было няпроста. Па-першае, патрабавалася адолець плот: узлезці на яго з нагамі, выпрастацца ва ўвесь рост і дацягнуцца да адзінага вострага выступу на даху будкі, аслабоненага ад смалы. Па-другое, учапіцца за выступ, дапамагаючы нагамі, ці адштурхнуцца імі ад плоту і падцягнуцца рыўкамі, пры гэтым не сарвацца. А там ужо у ход ішлі пазногці. І чым даўжэйшыя пазногці, тым больш шансаў было не зваліцца ўніз.